

МЫ ЗНАЕМ: новизна не появится из ничего, не придет сама собой. Нужно оставить и закрепить в своей жизни все лучшее от прошлых лет и умножить это лучшее работой. Я думаю, самые большие наши враги в этом деле — ложь, хвастовство, бахвальство. А самые надежные друзья — совесть, честность, правда.

Правда не бывает большой или маленькой, плохой или хорошей. Правда есть правда. Да, она может быть суровой, горькой, может кого-то обидеть и ранить, но ее нельзя ничем заменить, разбить или подсластить. Какой ложью ни замазывай ее, какими регалиями ни сверкай — правда остается основой нашего духовного богатства.

И не только духовного. Мы вступаем в новый, 1986 год. Это не просто первый год двенадцатой пятилетки; он открывает качественно новый этап в развитии советского общества.

Повернулось колесо нашей жизни. Все мы приветствуем перемены, происходящие в стране. Когда снимают министра за злоупотребления служебным положением в корыстных целях или ректора института отдают под суд за взяточничество, семейственность, личную нечестливость, когда казывают вещи своими именами — мы видим в этом торжество тех принципов, которые положены в основу нашей жизни великим основателем нашего социалистического государства. Когда руководитель нашей партии на встрече с ленинградцами сказал, что работники, запятнавшие себя моральной нечестностью, пустозвонством, показухой, рвением, не имеют права занимать руководящие посты, мы единодушно поддержали его. Ибо нельзя, чтобы ослы ходили под золотыми седлами, а скакуны — в ослиной узде, чтобы голос правды заглушался визгом свиньи и шипением змеи. А ведь кое-где так бывало.

Но сейчас уже недостаточно только приветствовать перемены. Каждому из нас нужно самым активным образом им содействовать. И тут я хочу сказать: не бывает ли, что, подержавшая на словах борьбу за правду, за честность в государственном масштабе, мы довольно нерешительно перестраиваем свою личную жизнь или, скажем, жизнь своего предприятия, своего города, своей республики. Не бывает ли, что мера нашей требовательности тотчас же снижается, когда приходится ответить на вопрос: а соответствующий ли ты сам волеи перемены? Все ли в наших нравах и привычках отвечает сегодняшнему дню? Короче говоря, нужно ясно увидеть: что может помочь нам в быстром продвижении вперед, а что камнем лежит на пути. Нужно пересмотреть весь опыт жизни — и общественный, и личный для того, чтобы, исправляя ошибки, не делать новых.

Есть люди, которые видят все в черном, мрачном свете: есть и другие — с восторженным взглядом. Я выбираю середину. Мы должны быть взыскательными к себе, чтобы ясно отличать, где мрачное, а где светлое, не чернить все подряд и не красить розовым цветом. От зрелости каждого из нас зависит зрелость нашего общества.

Об этом я думаю. **КОГДА** в наших горах, как и повсюду в стране, начали организовывать колхозы, горцам предлагали переселиться в долины, и это было оправданно. На равнине легче организовать новую жизнь. Правда, и в горы пришла новь: постепенно начали строить дороги, в домах горцев заговорили радио, появились водопроводы. Но все это произошло значительно позднее, а на первых порах жизнь в горах считалась как бы второстепенной.

Прямо скажем: кое-кто противился переселению. «Кто заботится о животе, пусть идет на равнину: кто заботится о сердце, останется здесь», — говорили старые горцы. Но дети упрямец все-таки смотрели на равнину. И уходили в города. Одни с благой целью — учиться, работать; другие — в поисках выгодной жизни. Но ни те, ни другие не возвращались в горы.

В горах — народ, на равнине — население. Задумывали хорошее дело, а вышло — не совсем. Не всегда от красивого замысла рождается хорошая книга. Не всегда крутой поворот означает конец дороги; нужно предвидеть продолжение ее даже по ту сторону перевала...

Читаю сегодня о том, как много делается для развития сельского хозяйства в Нечерноземье, радуюсь и думаю: это забота не только о «животе», это забота и о сердце. Такая забота сегодня нужна и горам Дагестана, и многим другим забытым или почему-либо заброшенным местам. Нельзя, чтобы уходила жизнь из отчих мест. Нельзя, чтобы исчезали колыбельные начала.

Правда, в последнее время покинутые дома в аулах вновь оживают. Но стук топора, поновляющего старые дома, не всегда веселит слух, а ясные стекла окон не каждому радуют глаз. Никто не поднимается на крыши, чтобы посмотреть вдаль: в небо — не принесет ли оно долгожданного дождя? Или в сторону горы Гуниб — все ли спокойно в каменном сердце Дагестана? Или на дороге, ведущую в аул, — не идет ли по ней желанный гость?

Спрашивал: зачем тогда дом в ауле, если не живешь в нем? В ответ услышал: на всякий случай. «Что же молчишь ты, заброшенный дом. Или меня узнаешь ты с трудом? Дом, возведенный руками отца, что своего не встречаешь тенца?» Камни сказали: «Пойми наконец, что нам за радость, неумный песец, Если под крышу родного гнезда Гостем ты на день влетишь иногда».

Орел, ходящий лениво меж кур во дворе, — уже не орел. Тур, пасущийся на привязи, — уже не тур. Форель, плавающая в аквариуме, — уже не форель. Дом «на всякий случай» можно ли назвать родным домом? Представляю аул сплошь из таких домов — зачем путнику заходить в этот аул? Зачем нужно в горах такое селение — в нем нет жизни.

Вспоминаю притчу о человеке, мальчиком увезенном из родного селения и вернувшемся туда взрослым. На него надели черкеску, папаху, дали оружие горца. Ему говорили: смотри, солнце поднимается из-за гор, правда, красиво? А он пожимал плечами: восход везде красив. Говорили: смотри, в небе парят орлы, правда, они прекрасны и прекрасно высокое небо? Он соглашался, но добавлял: птицы в небе всюду хороши.

Словом, все вокруг было для него чужим. И тогда старая мать начала петь ему колыбельные песни, которые пела в детстве. Он слушал и вспоминал усталое ее лицо, когда она поднималась с кубинном воды по крутой тропинке от родника; вспоминал ее ласковые глаза, когда она протягивала ему горячий чурек; глубоко вздохнув, он узнал забытый запах дыма от очага. Он снова взглянул на горы и увидел, как они высоки и могучи: услышал, как гремит камнями потоки; потянул глаза и выше гор увидел просторное небо. Он полжизни руку на эфес книжала и почувствовал, что по руке приходится ему оружие горцев. Сынорная любовь проснулась в нем. Проснулась душа. Песни матери наполнили его сердце заботами Родины.

Вспоминаю эту притчу и думаю о доме «на всякий случай». Кто вернется в него? Когда? Звучат ли в таком доме колыбельные материнские песни? Кто их поет, если отцы и матери тоже покинули его?

Людьми, покинувшим горы, не просто вернуться назад. Но я чувствую настроение моих земляков и знаю: если создать в аулах хорошие условия жизни, люди не будут их покидать. Мне нравится, как «оснаивали» горы в Грузии. Там я вижу разумный подход: построили промышленные предприятия и расширили сельскохозяйственную сферу. Правда, с грузинской стороны горы бархатные, а у нас — суровые скалы; там почвы мягкие, у нас грунт сухой. Но с учетом местных условий можно устроить и в наших горах интересную, современную жизнь.

Некоторый опыт в этом у нас есть. Новая жизнь в горы пришла вместе со строительством Чиркейской ГЭС, заводов в Ботлихе и Дылым...

Это факты не только промышленного значения, но нравственного и социального. Поэтому смело надо двигаться вперед, брать на себя решение острых жизненных вопросов, а не ждать, пока из Москвы в Махачкалу (или в Нальчик, или Вологду, или в Иркутск) придет подсказка, как искать и приводить в действие наши местные скрытые

резервы. Об этом прямо сказано на апрельском Пленуме партии: «...на местах должны полностью отвечать за решение всех вопросов, относящихся к их компетенции».

НА МОИХ глазах создавалась наука в республике. Это зримое, яркое подтверждение национальной политики Советского государства: формирование рабочего класса, формирование интеллигенции, в том числе и научной, в бывших отсталых, окраинных районах страны.

Я не против развития науки. Но была ли острая необходимость такого интенсивного создания научных учреждений в таких небольших республиках, как наша? Может быть, это издержки хорошего? Издержки внимания к малым народностям, заботы об их развитии? В любой семье самые младшие бывают самыми любимыми, старшие к ним особенно внимательны и стараются дать им даже больше, чем требуется для их роста и становления.

У нас много научных лабораторий, институтов, но серьезных научных исследований мало. Несмотря на это, защищаются диссертации, увеличивается число «степенных». У нас сейчас столько кандидатов наук, сколько до войны не было людей с высшим образованием. Кандидатская степень теперь стала контрамаркой для входа в науку. Как в горах строят дома «на всякий случай», так некоторые должностные лица на всякий случай пишут диссертацию — «про запас»: если основывается с этой работы, можно пойти в научное учреждение... Вот и разрабатывается список кандидатов.

Но разве успех в науке достигается числом, а не умением?

НАЗОВЕМ ОРЛА ОРЛОМ

Расул Гамзатов,

народный поэт Дагестана

То же можно сказать и о литературе в стране. Тридцать пять лет назад писателей в Дагестане было 12—15 человек. Сейчас — 104 члена Союза писателей. У наших соседей не меньше. Но дагестанскую поэзию связывают прежде всего с именами Махмуда, жившего в прошлом веке, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадзсы, Эфенди Капиева. Современные поэты хотят пораньше да поскорее стать «народными» — есть у нас такое высокое звание. Но звание не спускается указом (оно только указом закрепляется). Надо утверждать своим именем и фамилией творчеством, а не званием. На могиле Махмуда написано просто: «Махмуд», — и всем все понятно.

Так и получение кандидатской степени вовсе не означает, что в мир пришел Ученый. Сегодня институты уже даже не «соревнуются» — у кого больше кандидатов наук. Везде их много. А ведь надо, чтобы наука постоянно обогащалась новыми мыслями и перспективными идеями, надо, чтобы выданный диплом постоянно подтверждался изобретением нового прибора, созданием нового метода, оригинальной формулы — то есть практическим делом.

Мне нравится, что сегодня в партийных документах, определяющих перспективу нашего развития и движения вперед, так остро поставлен вопрос о науке: нужна реальная, осязаемая отдача от научного поиска, нужна нацеленность на достижение высоких народнохозяйственных результатов.

Филиал Академии наук — хорошее место работы. Престижное. И люди с удовольствием идут туда. Почему не пойти? Если есть хорошее место, если тебя берут... Но всегда ли эти хорошие места — самые нужные, самые необходимые, без которых затормозится, остановится развитие Дагестана (или Сибири, или Украины, или Киргизии — «хороших мест», я знаю, всюду немало)? Нужно создать не «хорошие места», а базу для настоящего развития науки. Там, где нет настоящей базы, там трудно делать серьезные открытия.

Говорят: приснилось ручью, что он большая река, — расплеснулся по песку и тут же высох.

О СВОБОЖДАЯСЬ от груза пережитков прошлого, мы, к сожалению, нередко теряли и кое-какие ценности внутренней культуры. Приобретали общеобразовательную культуру, а выработанные веками нравственные позиции утрачивали. Потери эти не все были видны сразу, и некоторые обернулись серьезными социальными проблемами.

Долгие годы не решались эти проблемы. Стало даже казаться, что так и надо, что по-другому не бывает. Будто то, что привычно, то и правильно.

В Махачкале построили драматический театр с большим зрительным залом, который из вечера в вечер заполняется лишь наполовину. Так же, с размахом, здания любят теперь возводить и в других местах, в других республиках. Архитекторы хотят выразить себя в монументальных формах, но о содержании иногда забывают. Вероятно, в Махачкале и можно было бы возвести телебашню, подобную Останкинской, но есть ли в этом необходимость?

Так нередко встречаемся мы с размахом там, где размах не требуется. Встречаемся с желанием приукрасить свое скромное дело, придать ему значение, которого на самом деле нет.

И как ни грустно признавать, но фальшивым иногда и в самом дорогом — в наших взаимоотношениях. Некоторые громко кричат об успехах, о заветах предков, но плохо их исполняют: красноречиво говорят о нравственных идеалах, а действуют из соображений мелочной корысти, эгоизма, собственной выгоды... Некоторые, например, под прикрытием старого обычая заботы о родных «заботятся» о родственниках за счет государства: сделавшись руководителем, протаскивают на «хорошие места» и свата, и брата, разводят семейственность, как говорят у нас, тухумщину (тухум — род). Надо ли говорить, какой это приносит вред!

Из красивых слов не построишь дом; от красивого слова не зажечь огня в очаге. Многие дела, которые могли бы быть красивыми, мы растворяем в красивых словах.

Многое делаем напоказ. Хвалимся обычаями и нравами, которые, действительно, могли бы украсить духовную жизнь любого народа, если бы... Если бы меньше говорили о них, а больше следовали им в жизни.

Не похожи ли мы бываем на человека, который расхваливает достояние бешмета, а сам никогда его не носил? Обычай сегодня существуют более как атрибуты национальной самобытности, как форма, которой далеко не всегда соответствует содержание.

ТЕПЕРЬ дороги в горах изменились, можно даже проехать на машине. Можно долететь на самолете или вертолете до самых отдаленных мест. Но все трудней и трудней становятся дороги детей к родителям. Самостоятельные дети ездят, летают в отпуск, в путешествия отправляются даже на другие материи, и только одна дорога для них самая далекая — к родителям.

Встречал я в горах одиноких стариков. Еле слышно зовут сыновей и внуков: «Где ты?» Но не доносится зов до сыновей в городах. А до внуков и подвоян — у этих своих хлопот полон рот.

Сами ли не захотели уехать или дети оставили их сторожить дом «на всякий случай» — не знаю. Но печальна и горька их участь...

Уважение к старшим — один из священных обычаев горцев. Веками следовали ему. Казалось он неизбывным, как гора Гуниб. Я хотел бы с гордостью сказать, что обычай этот и теперь соблюдается свято. Но поверят ли мне?..

Вот я кладу на одну чашу весов потертое на стиббах письмо. Оно промолкло от слез матери: сын давно не пишет ей... На другую чашу положу горюшки наших поэтов и прозаиков, где мы стараемся показать, как мудрость старших помогает жить молодым и как молодые почтительно к старикам. Что окажется тяжелее на этих весах? Что перепадет?

Горько говорить, но думаю, перевесит старое письмо...

Не хочу обвинить только молодых в том, что старый горский обычай, священный обычай, сегодня почти забыт. Он стал формальностью — кто-то место старику уступит, и то не всегда, кто-то совета спросит..., но не поступит по-своему.

Четыре койсу, четыре реки Дагестана несут воду нашего горного края в море. Одна койсу питается от снеговых вершин, другая — от родников, третья — от дождей, а четвертая — росой с альпийских лугов. Но как только вливаются они в море, не различить, где какая вода.

Так и со старым обычаем. Когда говорю о молодых, кажется, что это по их вине тоскуют матери, страдают отцы, старикам не оказывается должного уважения. Но стоит заговорить о старшем поколении, и десятки вопросов остаются без ответа: зачем баловали детей? зачем оберегали их от забот? почему у трудолюбивого отца сын вырос лентяем? почему в стенах отцовского дома нет ни одного камня, положенного сыном? почему легко отпускал детей, едва они оперились: одного — туда, другого — сюда, третьего — в третье место?..

Ко мне как к депутату иногда приходят отцы с одной бедой: сын осужден. Просят помочь. Слушаю их историю и думаю: вот отец — труженик, фронтовик, солдат. Жизни не жалел, защищая Родину. Потом сил не жалел, трудясь. Работал, чтобы детям хорошо жилось, чтобы учились они, чтобы не знали бед. А сын вырос беззаботным, безответственным, оторвался от родной почвы, вышел из-под контроля земляков. И вот чем кончил: воровством, хулиганством. Кто из них виновнее: отец перед сыном или сын перед отцом?

У некоторых молодых не просыпается совесть, у некоторых стариков не проснулась мудрость.

Спросили седого горца: как в старину наказывали за грехи? Он ответил: за неязыкий поступок отец отхаживал сына плетью; за большой грех — брал в руки посох; а чтобы смыть позор от поступка сына, в гневе и отчаянии отец вытаскивал и книжал.

Спросим друг друга: а как теперь?

В горах теперь пропусток малый. Стараются не замечать.

Провинность большую — прощают: Мол, все бывает. Не беда.

И в добродетель обращают Грех прелевильный иногда.

У нас говорят: «Если зашел в воду до пупка, полезай весь». «Если развязал мешок, то вытряхай все, что в нем содержится».

Но разве не бывает иногда, что стыдно показать содержимое своего хурджина? Сверху он хорош: и новый, и чистый, и узел на нем красиво завязан. А внутри?

О священном обычае яazel речь. И что вытряхнул из хурджина? Встречу с одиоком горцем, покинутым стариком...

А ЧТО ТАМ ЕЩЕ, в моем хурджине, о незыблемости обычаев?

Гостеприимство. Было время — говорить с гостем считалось удовольствием. Что видел, что слышал, чему удивился, чему обрадовался, чем рассердился — обсуждали, обдумывали, друг у друга часть опыта жизни заимствовали. Стол лучший накрывали. Даже если оставался в доме еда, которой хватало бы семье на целый день, для гостя готовили свежую, как бы поздно он ни пришел. Гостя в дом всегда ждали, и он всегда был желанным.

И сейчас так. Почти так.

Но слабее прежняя сердечность и внимание. Сейчас тоже говорят: подождем старшего. А кто старший сейчас? Раньше старшим называли того, кто много рек переплыл, много лет прожил, много звезд видел. А теперь старшинство — по должности, какой-то культ должности...

Было время — сосед считался дорогим другом, кунаком, уважаемым человеком. Без соседа за стол не садился. Сосед был первым гостем. А разве не бывает теперь, что сосед — первый враг? Не бывает тогда тебе хорошо, когда соседу плохо? Соседская корова молока не дает — радуешься. Премии лишены соседа — тоже радость. А если у соседа и корова хорошо донется, и премия ему дали — жалобу на него, анонимку! Дескать, шумит очень, культурно отлытывает не дает, и корова его на рассвете мычит, и хозяйка полойником гремит, и сам он громко дышит.

Была родовая вражда, теперь появилась соседская. Оба живут хорошо, оба сыновей учат в техникумах, но иногда думают: как бы это так сделать, чтобы его сына выгнала из техникума, а мой бы продолжал учиться?

Но довольно. Переменим шаг нходца. Всем сердцем верю: есть и гостеприимство в Дагестане бескорыстное, широкое, от души. Есть и соседи, которые не пишут друг на друга жалоб, а дружат меж собой, и дочь одного выходит замуж за сына другого, а оба деды счастливы, качая на руках внуков. И, может быть, сейчас в какой-нибудь городской квартире или горской сакле хозяйка накрыла стол, а хозяин пошел звать к столу соседа — как первого гостя, и от души одаривают они друг друга не золотом, серебром, а сердечностью, уважением, вниманием. А то, о чем я здесь говорю, — это не самое характерное, это отдельные негативные случаи, и не ими определяется наша жизнь.

Но и промолчать о них нельзя.

О ДИН НАШ гость из Москвы очень хотел побывать в горах и увидеть орлов. Но времени было мало, и гостю организовали недельную экскурсию в предгорья. В тех местах тоже есть обрывистые склоны, и оня прозвела на гостя впечатленье. Видел он и парящих больших птиц вдалеке: «Эти орлы!» — обрадовался он, довольный, вернулся в город.

Но я знал, что в тех местах орлы не живут, там поселились коршуны. Это их полет наблюдал гость. Мне было жаль расстраивать его, но я все-таки сказал, что он ошибся. Иначе поступить я не мог: только орла можно назвать орлом. Может быть, полет коршуна тоже красив, но это всего лишь красивый полет коршуна.

Плохого не должно быть в нашей жизни, потому я и называю вещи своими именами. Сейчас партия ведет очень серьезную борьбу со всем, что мешает нашему движению вперед. И никто не должен оставаться от этого в стороне.

Мастер делом непрестанно занят, Не всегда горазд на словеса. Прокнидей хвастливо барабанил, Слово он создатель колеса. Рвется бездарь к ложному величию, У коварства — происки свои. Вновь слышны, как в стародавней притче, Визг свиньи, шипение змеи. Колесо, безудержно вращаясь, На своем пути встречает вновь Радость и печаль, восторг и зависть, Страх и смелость, ярость и любовь.

Размышляя здесь о некоторых чертах нашей жизни, хорошее я называю хорошим, прекрасное — прекрасным, а плохое — плохим. По-другому я не могу.

Через неделю начнется новый год. А через пятнадцать лет наступит новое тысячелетие. Каждый день для нас — как подарок жизни. Каждый год мы должны сделать содержательным, чтобы оставались наши годы в памяти и в жизни как нерукаемая вечная ценность. В новом году я желаю каждому испытать святое чувство недовольства собой, потому что тот, кто доволен сегодняшним и успокаивается на этом, не сможет сделать лучше завтрашний день.

Васалам, накалам!

Мир дому твоему. Разговору конец.

(Литературная газета № 52).